

Султанова Айгуль Ахсановна

**Социально-антропологическая тематика в научном наследии
дореволюционных тюркологов**

Специальность 07.00.07. – этнография, этнология и антропология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2009

Работа выполнена в Центре исследований межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
М. Н. Губогло

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
З. В. Анайбан
доктор исторических наук, профессор
В. В. Трепавлов

Ведущая организация: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (исторический факультет кафедра этнологии)

Защита состоится 24 февраля 2009 г. в «__» часов на заседании диссертационного совета Д.002.117.01 Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119991, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. В. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Автореферат разослан «__» января 2009 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор исторических наук

А. Е. Тер-Саркисянц

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Возросший в настоящее время интерес к историографическим сюжетам оправдан многими факторами. Прежде всего, это обращение к огромному фонду гуманитарной мысли, способное отразить основные этапы становления науки. Другой, незаслуженно забытой многими исследователями, причиной является поиск реальных связей между традиционными и инновационными течениями в современной этнологической мысли. Внимательное чтение современных авторов и сочинений отечественных классиков приводит к неожиданным открытиям в области преемственности научных подходов. В уже классических трудах В. В. Бартольда, В. В. Радлова, В. А. Гордлевского и др. нашли отражение проблемы современной этнологии, изучающей механизмы межкультурных интеграционных процессов. Анализ научного наследия указанных авторов позволяет охарактеризовать их не только как сторонников этнографического реализма, но и как пионеров аналитической интерпретации. Объективный взгляд на достижения дореволюционных ученых позволяет утверждать, что предложенные ими концепции развития этнических культур предвосхищали некоторые этнологические теории, получившие широкое распространение на рубеже XXI века.

Исследовательский интерес тюркологии в ее дореволюционном варианте был сосредоточен на этнографическом изучении тюркских народов, языковедческом направлении – изучении памятников тюркской письменности, современных языков и диалектов, истории происхождения тюркских народов. Особый интерес представляла проблема этногенетических реконструкций, позволявших проследить пути межкультурного взаимовлияния. Универсальность тюркологии приближала ее к западноевропейским научным стандартам, в ряде случаев определяющих науку о «туземных» обществах как социальную или культурную антропологию.

Настоящая диссертация основана на предположении об относительной близости дореволюционной тюркологии к этнологической (социально-антропологической) традиции западного образца. Несмотря на разные условия становления и развития рассматриваемых дисциплин и российская тюркология (частичной правопреемницей ее предметной области и методики которой стала советская этнография), и социальная антропология (этнология) имели единые концептуальные корни. В первую очередь это объяснялось единым образованием. Большая часть российских, американских и европейских ученых являлись выпускниками крупнейших университетов Германии, Англии и Франции. Выпускниками Берлинского университета были В. В. Радлов и Ф. Боас, утвердившие научные традиции берлинской школы на разных континентах. Сходство научных традиций обеспечивало и функционирование глобального научного

пространства, естественной составной частью которого являлось российское востоковедение.

Важным достижением дореволюционных тюркологов стало подробное изучение кочевых тюркских и монгольских обществ. Обращение к вопросам жизнедеятельности кочевой социальной системы стало залогом социальной и политической актуальности тюркологии. Многие положения дореволюционной тюркологии о способах и механизмах функционирования номадов положили начало актуальной и сегодня дискуссии о природе социальных и политических институтов кочевого общества.

Целью диссертационной работы является выявление и анализ проблемно-тематического поля дореволюционной тюркологии, и его интерпретация с точки зрения проблематики современной этнологической науки.

Задачи исследования определены ее историографическим характером. Научное наследие ведущих дореволюционных тюркологов проанализировано с точки зрения достижений современной этнологической науки. При этом особое значение приобретает выявление традиционных связей между отечественной и зарубежной научными традициями. Отсюда следуют задачи работы:

- 1) рассмотреть роль и место крупнейших ученых-тюркологов в развитии тюркологической науки в дореволюционной России в историческом контексте
- 2) проанализировать концептуальную основу этнологических воззрений ведущих востоковедов XIX – начала XX вв. Выявить сходства и различия дореволюционного востоковедения и этнологических дисциплин Европы и Америки
- 3) выявить этнографическую проблематику в предметной области тюркологии
- 4) рассмотреть методы и приемы полевой работы в дореволюционной тюркологии с точки зрения достижений и потерь сегодняшнего дня
- 5) рассмотреть практическое применение научных исследований, участие ведущих специалистов в качестве экспертов в разработке межкультурной политики Российской империи

Историография проблемы. Анализ литературы, посвященной истории развития отечественного ориентализма, позволяет говорить о тщательной и объемной работе, проделанной исследователями в течение нескольких столетий. Уже в XIX веке появляются монументальные произведения, отразившие основные вехи российского

востоковедения, становление его предметной области и методологии¹. Однако, специальный интерес к тюркологии, как самостоятельному направлению возникает позже, в значительной мере благодаря советским авторам. Этот этап отмечен прежде всего научной деятельностью А. Н. Кононова, чьи работы по истории дореволюционной тюркологии отличаются уникальностью введенных в оборот архивных источников². На сегодняшний день его труды в области тюркологической историографии являются наиболее информативными и востребованными. В них представлены сведения об основных тюркологических центрах в досоветской России, предложена периодизация науки, проанализированы достижения крупнейших ученых дооктябрьского этапа. Среди обобщающих работ можно выделить сводную работу «Очерки по истории русского востоковедения»³. Многотомное издание представляет собой сборник статей, посвященных актуальным историографическим сюжетам востоковедения в дореволюционной России. На сегодняшний день этот труд является универсальным пособием для любого ориенталиста, интересующегося историей отечественной науки.

Уникальные архивные материалы по истории отечественного востоковедения легли в основу ряда работ советских и российских авторов⁴. Основной задачей последних стало исследование локальных востоковедных центров в Петербурге, Москве и Казани, истории их сотрудничества и определения доли их участия в развитии российского ориентализма. Важной особенностью указанных исследований стало и обращение к вопросам практического применения востоковедных знаний, зависимости востоковедения от внутренней и внешней политики Российской империи.

Творчеству отдельных представителей тюркологической мысли посвящено немалое количество научной литературы. Однако, несмотря на неослабевающий интерес к истории тюркологии в России, специальной сводной работы, посвященной анализу

---

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977.

² Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972. Кононов А. Н., Иориш И. И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М., 1977. Кононов А. Н. Тюркология // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР М., 1972. Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

³ Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 1-6. М., 1953-1963.

⁴ Куликова А. М. Востоковедное образование в Петербургском университете в первой половине XIX века и учреждение Факультета Восточных языков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1970. Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982., Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998, Валеев Р. М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань, 1993. Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

теоретических воззрений ее классиков, нет. Важный вклад в изучение научной биографии рассматриваемых ученых внесли советские историографы. Прежде всего это сборники, посвященные В. В. Радлову, работы Б. В. Лунина, Базиянца А. П., Акрамова Н. М., исследования последних двадцати лет о З. В. Тогане⁵. Ценную информацию об этапах научного пути и эволюции взглядов В. В. Бартольда, В. В. Радлова, А. З. Валиди и В. А. Гордлевского содержат очерки и статьи учеников и коллег, тематические сборники, изданные к юбилейным датам⁶.

Значительное число историографических публикаций посвящено анализу кочевниковедческих штудий В. В. Радлова и В. В. Бартольда. Несмотря на статус классических, их работы в этой области не раз оказывались под перекрестным огнем научной критики. Особенно ярко это выражалось в ходе дискуссий 1960-1970-х гг. о природе кочевых обществ⁷. Во многом основные позиции этих работ были пересмотрены под давлением марксистской догматики, господствовавшей в советской науке. Воздвигнутая Б. Я. Владимирцовым и крайне популярная в отечественной историографии теория о кочевом феодализме больше соответствовала конъюнктурным запросам⁸.

Творчество В. В. Радлова проанализировано в десятках статей и обзорных публикаций. На сегодняшний день его характеристика родовой организации у кочевников признается наиболее объективной многими исследователями⁹. Статус «первооткрывателя» научного номадоведения обусловил внимание к научному наследию ученого практически каждого представителя указанной дисциплины.

Подробный анализ этнографического наследия В. В. Радлова произведен в статье С. И. Вайнштейна, предваряющей издание «Из Сибири»¹⁰. Помимо периодизации творчества ученого и описания его экспедиционных исследований С. И. Вайнштейн уделяет внимание теоретическим взглядам В. В. Радлова.

---

⁵ Салихов А. Г. Научная деятельность А. Валидова в России, Уфа, 2001. Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд (научно-биографический очерк). Душанбе, 1963. Тюркологический сборник, 1971. Памяти академика В. В. Радлова. М., 1972. Базиянец А. П. Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979. Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981.

⁶ Самойлович А. Н. В. В. Радлов как тюрколог // Труды Троицкосавского-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Том XV, Вып. 1, 1912, СПб, Сенатская типография, 1914. Отд. Оттиск. Семидесятипятiletний юбилей со дня рождения академика Василия Васильевича Радлова 1837 г. 5 января 1912 г. СПб., 1912. Ко дню рождения академика В. В. Радлова. Л., 1925. Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятiletию. Сб. статей. М., 1953.

⁷ Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории. 1956. №1. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.

⁸ Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.

⁹ Артыкбаев Ж. О. Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. СПб., 2005. С. 223.

¹⁰ Вайнштейн С. И. В. В. Радлов и его труд «Из Сибири». // Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989.

Детальный очерк основных направлений научной деятельности ученого был представлен в коллективной монографии, посвященной В. В. Радлову¹¹. Не ослабевает интерес к наследию тюрколога и сегодня. Среди последних исследований можно отметить диссертационное исследование Е. А. Артюх¹².

Сравнительный анализ концепций В. В. Бартольда и Б. Я. Владимирцова провел И. Я. Златкин¹³. Сам автор явно склонялся к поддержке мнения Б. Я. Владимирцева о приоритете экономического фактора в жизни кочевых обществ.

Критику работ В. В. Бартольда дал и известный биограф Б. В. Лунин. Несмотря на то, что ученый отдавал должное фактору сословной борьбы в истории кочевых обществ, Бартольд, как и ряд крупных российских востоковедов, был обвинен «в непонимании объективной закономерности исторического процесса, представлении о государстве как надклассовой силе»¹⁴. К аналогичному мнению пришел и А. Ю. Якубовский¹⁵. Особую критику А. Ю. Якубовского вызвало положение Бартольда о положительной роли монгольского нашествия на историю Руси: «не с помощью монгольских ханов выросло могущество объединившейся России, а в борьбе с Золотой Ордой»¹⁶.

Историографический анализ работ В. В. Бартольда и В. В. Радлова встречается во многих современных работах¹⁷. Отход от марксистских догм позволил современным исследователям «реабилитировать» многие положения дореволюционных классиков.

Источники Источниками для написания диссертационной работы послужили опубликованные работы В. А. Гордлевского, В. В. Радлова, В. В. Бартольда и А. З. Валиди; ассоциированные с ними труды; статьи коллег и учеников, посвященные юбилейным датам.

Методология и методика исследования. Диссертационное исследование носит концептуально-историографический характер. Ретроспективный анализ концепций политического управления, культуры, религии и этнической мобилизации в работах В. В. Радлова, В. В. Бартольда, В. А. Гордлевского и А. З. Валиди сделан с учетом достижений современной этнологии. Дискуссионный характер многих затронутых в работе проблем и их зависимость от идеологической составляющей затрудняют изучение научного

¹¹ Тюркологический сборник, 1971. Памяти академика В. В. Радлова. М., 1972.

¹² Артюх Е. А. Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Барнаул, 2006.

¹³ Златкин И. Я. Борис Яковлевич Владимирцов – историк // Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.

¹⁴ Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917 гг.). Ташкент, 1958. С. 21.

¹⁵ Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI-XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

¹⁶ Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI-XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 74.

¹⁷ Россия и степной мир Евразии. Очерки. СПб., 2006.

наследия указанных ученых. Для обеспечения объективности исследования автор диссертации опирался исключительно на источники и старался избегать политических оценок деятельности дореволюционных тюркологов.

Научная новизна работы определяется отсутствием обобщающих работ по анализу теоретических воззрений дореволюционных тюркологов в области этнологии. Вторым важным моментом стал анализ классических работ с точки зрения концептуального обновления исследований сегодняшнего дня. Рассматриваемые авторы внесли огромный вклад в развитие многих дисциплин, получивших развитие в советский период, и положили начало многочисленным дискуссиям по проблемным вопросам родовой организации, государства, экономики и религии тюркских обществ.

Практическая значимость работы состоит в возможности ее практического использования при чтении курса лекций по истории тюркологической науки и дисциплин, изучающих тюркские народы – этнографии, лингвистике, археологии и истории тюркских народов Евразии. Аналитическая составляющая диссертации может быть использована при написании обобщающих монографий по истории этнологической мысли в дореволюционной России, а также работ, посвященных отечественному номадоведению.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были изложены и получили одобрение на трех международных конференциях: V всероссийском съезде востоковедов «Восток в исторических судьбах народов России» (Уфа 2006), конференции молодых ученых «Межэтническая интеграция: история, современность, перспективы» (Москва, 2006), международной научной конференции «Полевая этнография-2006» (Санкт-Петербург, 2006).

Диссертация обсуждена в Центре по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, одобрена и рекомендована к защите.

Структура диссертационной работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, научная новизна и практическая значимость, формулируются цели и задачи исследования, выявляется степень изученности проблемы.

В **первой главе** *«Из истории становления этнографической проблематики в тюркологических исследованиях дореволюционной России»* рассматриваются основные тенденции в развитии российского ориентализма XVII – начала XX столетий, образование локальных научных и образовательных центров, определяются хронологические этапы и роль тюркологии в системе востоковедных наук. Также рассматриваются некоторые аспекты практического использования научных результатов при формировании национальной политики Российской империи.

Один из ведущих востоковедов XIX века В. В. Бартольд объяснял стремительный расцвет отечественного ориентализма как особенностями колониальной политики европейских стран, так и общим подъемом гуманитарного знания. Необходимость изучения восточных народов определялась прежде всего прикладными задачами, мероприятиями по интеграции в российскую культуру большого конгломерата народов, принадлежавших азиатскому миру. Вторым определяющим моментом стала потребность в образованных чиновниках, назначаемых в регионы.

Определяющей особенностью востоковедной науки в России стал «процесс конструирования научных дисциплин», находящихся «во взаимосвязи и единстве друг с другом»¹⁸. Универсальность тюркологии, включение в ее орбиту языкознания, этнографии и археологии, лишь в XIX столетии получивших собственные «методы исследования, благодаря которым... впервые получили характер научных дисциплин» обеспечивала широкий исследовательский формат¹⁹. По этой причине выделение отдельных дисциплин из общего русла дореволюционной тюркологии значительно затруднено.

О научном зарождении тюркологии, как новой отрасли востоковедения, можно говорить с 1716 года, когда немецкий естествоиспытатель Д. Г. Месершмидт получил контракт на всестороннее исследование Сибири. Собранные лингвистические и этнографические материалы положили начало систематическому сбору Сибирской коллекции. Однако «официальный» статус тюркология приобретает в конце 60-х гг. XVIII века, времени формирования «системы регулярного преподавания азиатских языков в общеобразовательных светских и духовных школах Российской империи»²⁰. Лидирующие позиции занимает Первая Казанская гимназия, ставшая учебно-педагогической основой для формирования казанского университетского востоковедения.

В начале XIX века происходит событие, определившее судьбу отечественной ориенталистики. По первому общему университетскому уставу в 1804 году в трех крупнейших университетах страны (Московский, Казанский и Харьковский

¹⁸ Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998. С. 16.

¹⁹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 319.

²⁰ Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998. С. 70.

университеты) создавались кафедры восточной словесности. Университетское преподавание восточных, в том числе тюркских языков обеспечило подготовку квалифицированных кадров для работы с регионами. С этого момента можно говорить о начале нового этапа в развитии российской тюркологии. Внесение в университетскую программу преподавания восточной словесности способствовало сложению новой формации ученых-тюркологов.

Заслуга основания научной тюркологии в значительной мере принадлежит Казанскому императорскому университету. На научной базе достижений казанских ученых был создан петербургский центр. К моменту перевода в Петербург казанская тюркологическая школа являлась крупным исследовательским центром не только Российской империи, но и Европы. Немаловажным фактором успеха Восточного разряда стали активные контакты с международными университетами и научными центрами. К середине XIX столетия у Казанского университета существовали связи с тридцатью семью европейскими университетами²¹. Тесная взаимосвязь казанской ориенталистики с коллегами из-за рубежа обеспечивалась также ее профессорами – выходцами из Германии. Прежде всего необходимо отметить руководителя кафедры восточных языков, впоследствии директора Азиатского музея Х. М. Френа, Ф. И. Эрдмана, И. Ф. Готвальда и др.²²

Другим центром тюркологии стал Петербург. Зарождение тюркологии в Петербургском университете связано с 1824-1834 гг., когда на Разряде восточной словесности в качестве отдельной дисциплины был введен турецкий язык²³. Однако до середины XIX века университетское востоковедение не претендовало на лидирующие позиции. На роль крупнейшего исследовательского центра претендовал Азиатский музей Академии наук (предшественник современного Института востоковедения РАН).

Создание музея стало важным шагом для создания единого востоковедного учреждения, целью которого стало хранение и обработка восточных рукописей и книг²⁴. Коллекция музея объединила многочисленные, но разрозненные коллекции Кунсткамеры, Библиотеки и Архива Академии наук, этнографическую коллекцию (послужившую основой для создания в 1837 году Этнографического музея)²⁵. Обширная база полевого

²¹ Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2., М., 1956. С. 427, 430.

²² Имангалиев Р. Н. Роль немецкой ориенталистики в формировании казанского востоковедения (XIX в.) // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тезисы и краткое содержание докладов международной научной конференции. 10-11 октября 1996 г. Казань, 1997. С. 89.

²³ Куликова А. М. Востоковедное образование в Петербургском университете в первой половине XIX века и учреждение Факультета Восточных языков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1970. С. 10.

²⁴ Базиянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л. Азиатский музей – Институт востоковедения АН СССР (1818-1968). М.: «Наука», 1969. С. 16.

²⁵ Там же.

материала, одна из богатейших коллекций арабских, европейских и других рукописей легли в основу последующих исследований крупнейших исследователей. В разное время Азиатским музеем руководили Б. А. Дорн (1842-1881), В. Р. Розен (1881-1882), В. В. Радлов (1885-1890), К. Г. Залеман (1890-1916), С. Ф. Ольденбург (1916-1917)²⁶.

Важным событием на пути становления российской ориентальной школы стало создание Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Его значение трудно переоценить. Его выпускниками в разное время были В. Д. Смирнов, П. М. Мелиоранский, В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, В. В. Вельяминов-Зернов, Н. И. Веселовский.

Создание кафедры истории Востока на Факультете восточных языков стимулировало повышение интереса к этнографической проблематике. Профессор Григорьев первым предложил схему «общего введения» в изучение Востока. Лекционный курс предполагал пятиступенчатый цикл: географический фактор в судьбе Азии, ментальные особенности азиатских народов; первобытная история, краткий обзор политической и экономической истории; эволюционная схема религиозных верований от шаманизма до ислама. Значительное внимание уделялось истории ознакомление европейцев с Востоком. Фактически ознакомление студентов с этнографией восточных стран происходило в рамках изучения его колониального освоения²⁷.

Московское востоковедение было представлено Московским университетом, Лазаревским институтом, а позже и Восточной комиссией Московского археологического общества. Несмотря на довольно прочные позиции в изучении востоковедных дисциплин, тюркология не стало здесь популярным направлением.

Помимо официальных учреждений, занимавшихся подготовкой профессиональных кадров, важную роль в становлении тюркологии играли научные объединения и кружки. Задачей первых (Восточное отделение Русского археологического общества (осн. в 1851 г.), Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903-1919) и т. д.) была работа над организацией полевых экспедиций²⁸. Последние имели неформальный характер и группировались вокруг отдельных востоковедов или действовали при университетских кафедрах.

Важный вклад в развитие тюркологии внесла и созданная в 1724 году Академия наук. По инициативе Академии уже в XVIII веке был предпринят ряд крупных

²⁶ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII – 1917 г.). СПб., 1994. С. 28.

²⁷ Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 200.

²⁸ Кононов А. Н. Тюркское языкознание в Ленинграде (1917-1967) // Тюркологический сборник. М., 1970. С. 15-17.

экспедиций для сбора сведений о регионах империи. Начиная с XIX века основные организаторские функции взяло на себя Императорское русское географическое общество (учреждено в 1845 г.). Помимо Петербургского отделения активной экспедиционной и аналитической деятельностью занимались его отделения: на Кавказе (1850), в Сибири (1851), Оренбургском крае (1867), Амурском крае (1893), Туркестане (1896), Якутии (1913)²⁹.

В последней четверти XIX века увеличивается интенсивность связей между разрозненными востоковедными центрами. Необходимость координации деятельности российских востоковедов яснее всего выражена в переписке между Восточным факультетом Петербургского университета и Лазаревским институтом по поводу создания научного объединения. Академическое востоковедение, предпочитавшее «кабинетный» стиль работы к концу XIX столетия претерпело значительные метаморфозы. В немалой степени изменения были связаны с деятельностью В. В. Радлова и региональных ученых, стимулировавших интерес к экспедиционной деятельности.

К моменту Октябрьской революции отечественная тюркология прочно удерживала лидирующие позиции в мировой тюркологической науке. В течение нескольких столетий была накоплена основательная научно-образовательная база для подготовки высококлассных специалистов, как ученых, так и чиновников, ознакомленных с особенностями социально-политических особенностей различных регионов России. Тюркологи с мировым именем В. В. Радлов, В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский активно привлекались правительством при разработке ключевых вопросов межэтнической и межнациональной политики как Российской империи, так ее преемника молодого Советского государства.

Во **второй главе** «*Основные направления в предметной области дореволюционной тюркологии*» анализируются социально-антропологическая проблематика в дореволюционной тюркологии: вопросы культуры, религии и языка, механизмы функционирования крупнейших азиатских империй, развитие социальных и политических институтов тюркских народов; рассматриваются вопросы возникновения тюркского национализма.

В **параграфе** «*Тюркология в системе общеевропейского гуманитарного знания. Концептуальные корни дореволюционной тюркологии*» рассматривается роль отечественных и западных традиций в становлении российской тюркологии.

Важным отличительным признаком тюркологии стало ее вхождение в орбиту досоветского варианта «народоведения». Широкий охват исследовательских интересов,

²⁹ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1994. С. 29-30.

методология научных изысканий и энциклопедический кругозор ведущих ученых-тюркологов делали российское востоковедение гораздо объемнее по значению и содержанию, чем западная его версия, которая понималась «преимущественно как изучение восточных языков и литературы» и была направлена на изучение «первобытных и простейших обществ»³⁰. Исключение составляла германская школа. Помимо ориенталистики здесь существовала особая дисциплина для исследования обществ европейских стран, расположенных к востоку от Германии – «Ostforschung»³¹.

Социально-антропологическая традиция в изучении народов, культур и языков в российском востоковедении зачастую была глубже, чем в Британии начала века. Отечественное востоковедение не столько вмещало в себя географическое и этнографическое изучение восточных обществ, но и синтезировало достижения лингвистики, археологии и обширного описательного материала для фиксации этнической карты мира в ее динамике. Выделение в составе востоковедения отдельных самостоятельных направлений – тюркологии, арабистики, монголоведения и т. д. свидетельствовало о высокой результативности научных исследований. Вместе с тем ограничение сферы исследовательского интереса локальными этнокультурными общностями позволяло не «распыляться» в «дебрях» теоретических построений, а основывать выводы на сопоставительно-историческом материале схожих народов.

Тюркские народы как исследуемый объект интересовали востоковедов не меньше чем меланезийские племена представителей западноевропейского и американского научного сообщества. Интерес к разработке проблем общественного развития на примере «чистых», не «затронутых цивилизацией» социальных и этнических групп стал предтечей ряда новейших направлений этнологии. Однако прямое соотнесение проблематики и методики западноевропейской антропологии и дореволюционной тюркологии представляется затруднительным по причине многообразия и огромной социальной сложности тюркских этнических групп, большая часть которых была органической частью мусульманского мира. К тому же турки форсированно вовлекались в глобальные этнокультурные процессы, вызванные возникновением поразительных по своему историческому значению государств-империй, изменивших как этническую карту евразийских просторов, так и традиционную схему хозяйственного районирования. В этом отношении российская тюркология опережала британскую антропологию, лишь в середине века обратившую взоры к «сложным обществам, особенно обществам Ближнего

---

³⁰ Э. Эванс-Причард История антропологической мысли. М., 2003. С. 272.

³¹ Гатин М. С. Проблемы истории Улуса Джучи и постордынских тюрко-татарских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX-XX вв. Казань, 2006 (РГБ, 2007, электронный текст – Диссертация на соискание ученой степени к. и. н.). С. 28.

Востока и Азии» и поставившую целью стать самостоятельной дисциплиной «в некоторой мере смежной с востоковедением и дополняющей востоковедение»³².

Исторический процесс определялся классиками тюркологической мысли скорее как противоборство и взаимовлияние культур, а не отдельных народов. Формула многокультурности³³ как основного концепта исторического развития нашего государства, легла в основу практически всех работ крупнейших российских востоковедов. Это популярное среди современных исследователей и политиков понятие имеет глубокие корни в наследии русской этнологической мысли. Важным моментом в этом сопоставлении стало типологически сходное восприятие задач тюркологии XIX столетия и современной социально-культурной антропологии как вопросов функционирования культурных систем.

С западным влиянием связан вопрос о концептуальной основе тюркологических работ. Несмотря на научную новизну и самобытный подход к этнологической проблематике, классики тюркологии опирались на европейские традиции. Несмотря на разнообразие и некоторую рыхлость концептуальной платформы российского востоковедения, ее основой стал эволюционизм. Крупнейшее этнологическое учение XIX в. не только нашло преданных сторонников в Российской империи, но и стало основой для теоретических построений В. В. Радлова и А. З. Валиди.

В **параграфе** «Вопросы кочевой государственности и права» представлены основные направления тюркологических исследований.

Несмотря на многообразие современных подходов к вопросам кочевой государственности, экономики и права, основой для длительных научных дискуссий стали работы дореволюционных авторов. Заслуга «первооткрывателя» аналитического номадоведения в его российском варианте принадлежит В. В. Радлову, в течение нескольких десятилетий изучавшего кочевые общества Сибири и Средней Азии.

По мнению ученого, кочевой быт порождал к жизни иные условия социального и культурного развития, отличные от общепринятых европейских, но тем не менее отнюдь не свидетельствовавшие о варварстве³⁴. Социальная инертность кочевника во многом определялась особенностями его менталитета. Натуре кочевника свойственна сосредоточенность на дне сегодняшнем, поэтому улучшение социальной жизни не входит в круг его первостепенных интересов³⁵.

Кочевое государство в понимании В. В. Радлова – многослойное образование с фиксированной внутренней организацией. В основу социальной матрицы положен аул,

³² Э. Эванс-Причард История антропологической мысли. М., 2003. С. 272.

³³ Термин употреблен в контексте абсолютного соответствия его современному толкованию. См. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 234.

³⁴ Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 249

³⁵ Радлов В. Предисловие // Манас-героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968. С. 22.

покоящийся на прочных семейно-родственных связях. Политическая консолидация «кочующих» народов представлялась ученому маловероятной³⁶. В объединительных процессах разрозненных тюркских племен важную, если не решающую роль играл роль политический лидер. Авторитет лидера «цементировал» возникающие связи и регулировал сложную систему управления-подчинения. Любое ослабление власти хана вело к смутам внутри государства. На этом этапе война становилась ключевым фактором общественной и политической истории кочевников. Для поддержания и удержания своей власти правитель должен был предоставить населению экономические преимущества. Оптимальным способом достижения этой цели были военные походы. Тем более, мобильный характер кочевого хозяйства позволял передвижение больших групп без особого ущерба для традиционного быта.

Теория Радлова обрела множество сторонников, среди которых в первую очередь необходимо выделить В. В. Бартольда. В той или иной модификации она встречается в современной науке. Вслед за предшественником В. В. Бартольд определял власть в кочевом обществе «узурпацией», не имевшей юридической определенности. Первостепенность рода как основной ячейки для формирования кочевого государства не подвергалась решительному пересмотру, но дополнялась фактором сословной борьбы.

Для появления на исторической арене мощного кочевого государства, по мнению Бартольда, требовались экономические преимущества, предоставленные благодаря набегам и войнам с соседними областями. Кочевой быт, доминировавший в среде тюркских и монгольских народов, отнюдь не свидетельствовал о его прямой аналогии с «первобытной жизнью дикарей». В качестве аргументов Бартольд приводил несколько факторов: сословный антагонизм, потребность сохранить имущество от внешних врагов, борьба за пастбища, перманентные кризисы, служившие катализатором к объединению вокруг отдельной единицы (рода или племени)³⁷.

Факторами, в определенной степени ломавшими традиционный уклад кочевников стали этнокультурные влияния и заимствования, имевшие два источника: мирные отношения с соседними земледельческими областями и военные походы. Именно эти факторы способствовали значительному росту социальной и имущественной дифференциации внутри кочевого общества³⁸.

В качестве классического примера для подтверждения теории кочевых политических образований ученые приводили империю Чингиз-хана. Ее главной особенностью стало образование единого межкультурного и экономического поля,

³⁶Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение LXXII-му тому Записок Императорской академии наук № 2. СПб., 1893. С. 19.

³⁷Бартольд В. В. Сочинения. Т. II (2). Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 27.

³⁸Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 301.

значительно упрощавшего межэтнические контакты³⁹. Негативная роль монгольских завоеваний, вышедшая в отечественной историографии на первый план, не позволила разглядеть некоторые позитивные моменты. Предписание Чингиз-хана, не позволявшее монголам менять культурно-бытовую идентичность (т. е. оставаться кочевниками и не селиться в городах) облегчало интеграционный механизм. Было введено административное нововведение, сохранявшее земли за побежденными. Установилась и необычная для восточных империй практика предоставления власти на местах уроженцам этих регионов. Такое редкое политическое благодушие было вызвано необходимостью восстановить экономический потенциал завоеванных территорий и сделать их стабильным источником дохода⁴⁰. Экспансия монголов зачастую способствовала и изменению границ хозяйственно-культурных областей. Письменные источники фиксируют процесс упадка земледельческой культуры в некоторых областях и превращению плодородных земель в пастбища⁴¹.

Подчеркнутая В. В. Бартольдом взаимозависимость кочевых и оседлых народов приводила к образованию полиэтнической государственной культуры, когда в результате привнесения основ кочевой государственности в высококультурную среду создавался уникальный симбиоз этнического и культурного сосуществования. По мнению Валиди, при всей прогрессивности взглядов, Бартольд воспринял точку зрения Радлова на род как биологический организм со свойственными ему перманентными процессами активности и затухания. Их предопределенная консервативность предполагала невосприимчивость к новым историческим условиям и неустойчивость государственных образований кочевников. Сведение проблем кочевого государства к фактической борьбе видов глубоко ошибочно. С точки зрения автора, «история тюрков не представляет собою лишь историю кочевых племен, хотя самыми деятельными кругами были кочевники». Возникновение государства венчало сложную схему взаимодействия двух процессов: слияния противоположных культур (оседлых и кочевых) и «внутривидового» противоборства, возникновения «борьбы в силу складывающихся общественных и экономических условий». Борьба и смена элит кочевого общества, основанная на структурных элементах улусной системы давала гораздо больше возможностей для обогащения и развития тюркской культуры, чем считается в историографии. На этих фактах зиждется мнение Валиди о неправомерности преувеличения роли политического лидерства в тюркских государствах. Мобильность тюрков в создании политических образований, напротив, была предопределена «традициями военного государства». Измельчение улусов

³⁹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 102.

⁴⁰ Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 103.

⁴¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, Ч. 1. С. 66.

способствовало и изменениям этнического состава: род, слабевший из-за многочисленных переделов, включал в свою орбиту все новые и новые этнические группы, что значительно усложняло прояснение его этнической истории.

Мощное влияние тюркских элементов на формирование единого русского государства вызывало интерес к жизни кочевых обществ, в первую очередь населению Джучиева улуса. Сама структура золотоордынской империи, мобильность кочевой армии и огромный экономический потенциал (во многом достигнутый грабежами и захватами) привлекали внимание русских правителей. Впоследствии они с переменным успехом будут манипулировать идеей российского монарха - «белого хана», как правопреемника тюркских правителей. В настоящее время идея о перенесении «татарской государственной идеи» на московского правителя подвергается серьезной критике⁴².

Включение тюркских кочевников в состав Российской империи нанесло существенный урон традиционному общественному укладу кочевников. Передача административных функций имперским чиновникам ломало привычную властную схему. Радлов считал последствия этого вмешательства губительными, подчеркивая естественную необходимость сохранения подвижного и гибкого характера социальной системы у кочевников, т. к. «подвижность элементов, входящих в состав государства есть жизненная потребность кочевников, и она одна только в состоянии сглаживать удары судьбы, падающие на скотовода-кочевника, вполне зависящего от природы»⁴³.

В параграфе *«Культура как предмет исследования в тюркологии»* рассмотрен культурно-антропологический аспект тюркологических исследований.

Культура как «наиболее широкий контекст человеческого поведения»⁴⁴ стала одной из центральных тем дореволюционной тюркологии. Зачастую культура воспринималась как часть общемирового наследия, не детерминированная образом жизни народа. Важным фактором для развития человечества стало распространение, взаимодействие и зачастую слияние разных культур. При этом важным моментом часто становилась равнозначность понятий «культура» и «народ». По мнению В. В. Бартольда, «этнографическое происхождение» и природная среда обитания имели «второстепенное значение» для выявления доли и участия народа в мировой истории. Саму же суть исторического процесса ученый связывал с «международным культурным общением, перенесением начал культуры из одной страны в другую».

---

⁴² Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М., 2007. С. 28-32.

⁴³ Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение LXXII-му тому Записок Императорской академии наук № 2. СПб., 1893. С. 72.

⁴⁴ Малиновский Бронислав Научная теория культуры. М., 2005. С. 17.

Важным моментом в истории решения этнографических проблем в лоне востоковедения является отрицание большинством востоковедов идеи создания глобального монокультурного пространства. Известный востоковед Ф. Е. Корш определял его как губительный механизм унификации. В качестве аргументов за сохранение поликультурного соотношения ученый приводил те же доводы, что и большинство современных сторонников примордиализма: «национальность, обладающая особым мировоззрением, вносит в общечеловеческую сокровищницу знаний и мыслей отличную от других точку зрения на вопросы, занимающие все человечество»⁴⁵.

В концентрированном виде взаимовлияние культур в трудах тюркологов представлено на примере распространения крупных мировых религий, часто приводившей к смене этнической идентичности. В более поздний период религия играла у российских тюрков роль «заслона» от инокультурного влияния. Ислам в этом случае выполнял защитную функцию, способствовал снижению интенсивности процессов «обрусения», сохранял тем самым жизнь старым традициям и обычаям, прежде всего язычеству⁴⁶.

В **параграфе** «*Вопросы этнической мобилизации у тюрков*» показано соотношение проблем «этнического самосознания» и «этнической мобилизации».

Отношение к вопросам «этнического самосознания», «этнической мобилизации» у дореволюционных тюркологов в известной мере созвучно с представлениями сегодняшнего дня. Несмотря на отсутствие идентичных дефиниций, мы можем предположить, что отношение к «национальному» в тюркологии XIX – начала XX вв. выражается формулой В. А. Тишкова как «возникающей в процессе исторических перемен и потрясений», «живой, постоянно меняющейся реальности»⁴⁷. Склонность к «конструктивизму» тюркологов XIX – первой трети XX вв. подтверждает и значение, отводимое ими фактору межкультурного взаимодействия. «Национализм» анализировался с позиций «феномена культурного полиморфизма или этнического симбиоза в формировании этнического целого», рассматриваемого как «глобальное правило, позволяющее сформироваться представлению о группе только в более широком поле культурных и политических взаимодействий»⁴⁸.

«Конструктивистский» подход нашел отражение и в работах, посвященных кочевым народам. Академик В. В. Бартольд не разделял кочевников на этнические составляющие. Устойчивая формула «тюрко-монгольских кочевников», по его мнению,

⁴⁵ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. С. 385-386.

⁴⁶ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. С. 189.

⁴⁷ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 14.

⁴⁸ Там же. С. 59-60.

подтверждалась особенностями их исторического развития: «установить зависимость бытовых черт от этнографического происхождения тех или иных народов до сих пор не удается; самый вопрос о том, к каким этнографическим и лингвистическим группам принадлежали первые упоминаемые в истории кочевые народы... остается спорным»⁴⁹. Изучение этнических культур как закрытых систем, «самостоятельный процесс, определявшийся исключительно расовым происхождением, политической жизнью и религией» Бартольд считал глубоко ошибочным. По мнению классика, гораздо продуктивнее изучение культурных влияний, т. к. в «цепи культурного взаимодействия нет промежутка между «Востоком» и «Западом»»⁵⁰.

«Склонность к национализму» в условиях тюркских обществ происходило, по мнению Бартольда, под влиянием европейских веяний. Корни всех видов российского национализма ученый видел в европейском влиянии: «Под влиянием западноевропейского национализма происходило развитие в России славянского национализма, направленного против Запада, хотя без западноевропейского национализма русский возникнуть не мог бы»⁵¹. Так же и тюркская этническая мобилизация могла возникнуть только в качестве заслона русскому давлению в регионе.

В **третьей главе** *«Полевые материалы и формы их интерпретации»* рассматриваются методология полевой работы и основные направления источниковедческой деятельности в тюркологических исследованиях XIX – начале XX вв. Значительное внимание отведено прикладному значению тюркологии в дореволюционной России.

Социальная и политическая значимость тюркологии сделала ее наиболее разработанным направлением востоковедной науки. Немаловажным фактором успеха российской тюркологии стала «близость» этнографического материала. Обилие тюркских народов внутри Российской империи значительно облегчало исследовательскую задачу. В отличие от западноевропейских коллег, вынужденных совершать длительные, изматывающие экспедиции на большие расстояния, отечественные тюркологи могли использовать метод включенного наблюдения не только на территории всего материка, но и непосредственно внутри страны. Помимо интенсивного сбора информационного материала, экспедиционные исследования явились важнейшей частью программы интеграции тюркских народов в государственный механизм Российской империи.

Важным отличительным признаком тюркологии стала попытка применить комплексный подход к научному исследованию, применяя методы различных отраслей

⁴⁹ Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928. С. 5.

⁵⁰ Цит. по: Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. С. 187.

⁵¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. С. 437.

гуманитарного знания. Тем более, что специфика и особенности ведения полевой работы не подвергались специальному исследованию и шли большей частью экспериментальным путем. Несмотря на огромный материал по культуре тюркских народов, собранный в ходе академических экспедиций, в течение XVIII столетия в штате АН не было профессионального тюрколога

Высокий уровень методологической базы обеспечивал принцип построения востоковедного образования в высших учебных заведениях. Научно-исследовательская база строилась на двух основных принципах: приглашение иностранных специалистов и заимствование и адаптация западных технологий (Казань), а также создание оригинальных методик (Московский университет). Широкое сотрудничество российских специалистов с западноевропейскими, а позже и американскими коллегами не допускало информационного вакуума и обеспечивало высокий уровень международной научной координации. С образованием востоковедных центров страны связано и установление железного правила (за редким исключением) сочетания «трех китов» научной деятельности: кабинетной работы, преподавательской деятельности и полевых выездов. Преподавательская деятельность обеспечивала и создание преемственности научных направлений и во многом нашла отражение уже в советской тюркологии.

Несмотря на существование в общероссийском научном пространстве, локальные тюркологические центры пользовались разными методологическими приемами. Важный вклад в разработку методики полевых исследований внесла петербургская школа. Один из ее основоположников барон В. Р. Розен впервые выдвинул тезис о необходимости разграничения функций между востоковедными центрами и региональными «кружками», коим отводилась функция сбора этнографического, лингвистического и археологического материала. Такой прием значительно расширял исследовательский материал и разграничивал аналитический и экспедиционный уровни. Провинциальные центры тем более являлись эффективными, что близкое знакомство с культурными условиями и бытом населения способствовало сбору материала «с горячих рук»⁵². Условно говоря, в основе методики полевой работы должен лежать принцип «содружества центра-регулятора и провинции – собирателя живого материала»⁵³. Вышеприведенные примеры показывают, что метод делегированного интервью, вошедший в научную практику последних лет, имеет долгую предисторию.

Важным моментом в полевом исследовании ученые считали сохранение объективности при изучении этнических культур. Европейски ориентированный исследователь не должен был забывать о разных условиях становления культур. И

⁵² Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 592.

⁵³ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. С. 189-190.

снобизм, позволяющий исследователю смотреть на исследуемое общество «сверху вниз», мог сыграть роковую ошибку. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что этические кодексы европейских и американских социальных антропологов, получившие широкое распространение в XX столетии, являлись основой полевой работы для российской тюркологии досоветского этапа.

Включение в предметную область тюркологической науки проблем этнографии, лингвистики, археологии определило вклад В. В. Радлова, В. В. Бартольда и других классиков востоковедения в указанные научные дисциплины. Этнографические данные, детальный анализ рукописных материалов, археологические материалы использовались в неразрывном сочетании с целью построения комплексного описания «инородческих» культур. С «объемным» подходом связан значительный научный потенциал тюркологических экспедиций. Такие выезды, как правило, включали несколько направлений: поиск и коллекционирование рукописей, опрос населения, фиксация фольклорных и бытовых особенностей.

Рубеж XIX-XX столетий характеризовался повышением интереса к полевой работе. Активной экспедиционной деятельности российских тюркологов способствовало и изменение технического арсенала. Наличие примитивной фототехники позволяло производить не только письменную фиксацию материала, но и создавать фотоархивы.

На рубеже столетий эпоха первоначального накопления научного капитала завершилась. Богатый фонд собранных за столетия источников требовал значительной и кропотливой работы над их интерпретацией. Несмотря на регулярные экспедиционные выезды и командировки, на первый план вышла аналитическая работа.

При внимательном и продуманном отношении к методам исследовательской работы российской тюркологии в целом было не свойственно увлекаться терминологией или возведением громоздких теоретических конструкций. Для российских специалистов теорию диктовала действительность. Принцип отражения этнических особенностей использовался для построения сложной картины межкультурного исторического поля и его практической применимости в условиях мультикультурной империи. Взгляд на исследуемое общество как структуру «взаимосвязей и взаимозависимостей» максимально приближал приемы исследовательской работы тюркологов к методологическому арсеналу британских и американских социальных антропологов, фиксирующих явления с точки зрения социальной и политической эффективности в определенных исторических условиях.

В **заключении** обобщены основные выводы диссертационного исследования. Главным объектом тюркологических исследований выступали евразийские тюркские

общества, с давних времен втянутые в геополитическое пространство Российской империи. Заслугой отечественных специалистов является становление номадоведения, рассматривающего социальные и адаптационные модели кочевого мира. Интерес к проблеме был вызван как особенностями российской истории, так и необходимостью выработки правильной политики в отношении присоединяемых тюркских территорий. Постоянное столкновение с чуждым оседлому большинству миром монгольских и тюркских кочевников обеспечило лидирующие позиции отечественного востоковедения.

Тюркский мир в представлении большинства дореволюционных востоковедов отнюдь не представлял монолитного единства. Несмотря на лингвистическую и некоторую этнографическую близость, тюркские народы, по мнению большинства рассматриваемых исследователей, принадлежали к разным цивилизационным фундаментам, как экономическим, так и религиозным. В представлении В. В. Радлова и В. В. Бартольда чувство сопричастности к определенному социальному и/или политическому объединению заслоняло этническую самоидентификацию. Такой подход обеспечивал высокую продуктивность исследований в области разработки теорий общественного развития в условиях культурной диффузии, когда традиционная структура тюркских народов подвергалась значительным изменениям.

Максимально упростив основную научную проблематику дореволюционной тюркологии, можно свести ее к простой формуле – взаимосвязи и взаимозависимости кочевого и оседлого мира. А если шире, проблеме культурной диффузии и глобальной трансформации в условиях многоэтничного существования. Научная проработка этих вопросов в немалой степени способствовала созданию эффективной модели многокультурного государства, каким являлись как Российская империя, так и Советский Союз.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Концептуальная основа этнокультурных процессов в тюркологических исследованиях академика В. В. Бартольда // Материалы V всероссийского съезда востоковедов «Восток в исторических судьбах народов России». Кн. III, Уфа 2006.

2. Вопросы межэтнической интеграции и адаптации в условиях кочевого государства в трудах академика В. В. Бартольда // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященной 40-летию этносоциологических исследований 25-26 сент. 2006 г. Г. Комрат. М., 2006. с. 360-366.

3. Межэтническая интеграция в условиях кочевого государства по трудам академика В. В. Бартольда // Межэтническая интеграция: история, современность, перспективы. М., 2008. с. 113-119.

4. Методика полевых этнографических исследований в научном наследии дореволюционных тюркологов // Международная научная конференция «Полевая этнография-2006». Материалы конференции. Санкт-Петербург, 2007. с. 42-44.

5. Роль торговли в межкультурном взаимодействии (по материалам дореволюционного востоковедения) // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Саранск. 9-14 июля 2007. Саранск, 2007. с. 502.

6. Социально-антропологическая тематика в трудах дореволюционных тюркологов // История науки и техники. № 9 спец. выпуск. № 4, 2008. ISSN 1813-100X. с. 54-65.